

ЧЕЛОВЕК В ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА (К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ПСИХОЛОГИИ)

П. А. Мясоед

*Полтавская специализированная
школа-интернат № 2,
Полтава, Украина,
e-mail: pmjasojid@hotmail.com*

Ставится задача определить теоретико-методологические основания отношений между эпистемологией и психологией и расширить представление о предметах и взаимосвязях этих дисциплин; с этой целью исследуются история решений вопроса о месте человека в теории познания и мышление психологов эпистемологического содержания. Методологическим принципом исследования выступает метапарадигма диалога (Г. А. Балл): установка на согласование и продолжение мысли авторов анализируемых позиций. Определяющими считаются положения Р. Декарта о разъединенном на несоизмеримые сущности мира, Б. Спинозы о принадлежности человека к субстанции, И. Канта о присутствии человека в познании. Субъект противопоставляется объекту познания, провозглашается органом самопознания субстанции, объект объявляется таким, каким он предстает в мышлении субъекта; субъектоцентризму противостоят субстанциализм и процессуализм, дуализму — общая и частная формы монизма. Теория познания Г. В. Ф. Гегеля выступает точкой отсчета пути от отношения «субъект — объект» к отношению «мышление — бытие», от классической к неклассической, представленной идеями К. Маркса, А. Бергсона, Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, М. Фуко, М. К. Мамардашвили, эпистемологии. Идеи К. Поппера, И. Пригожина, В. С. Степина в философии науки становятся свидетельством выхода эпистемологии на постнеклассический уровень развития. Прослеживается преломление идей эпистемологии в мышлении основоположников экзистенциальной (Л. Бинсвангер), марксистской (А. Н. Леонтьев), гуманистической (А. Маслоу), культурно-гуманистической (В. А. Роменец) психологии. Отмечается принципиальная важность диалога В. А. Роменца с С. Л. Рубинштейном о способе бытия человека в мире для осмысления места человека в познании. Общим в эпистемологии и психологии видится движение от дуализма ко все более содержательному монизму с последующим, на постнеклассическом этапе истории каждой из дисциплин, человекоцентризмом, учитывающим объективное место человека в мире. Утверждается взгляд на познание как историко-логико-психологический процесс, раскрываются значение общефилософской идеи тождества мышления и бытия для понимания места человека в познании и особая роль эпистемологического мышления в психологии. Показывается, что в исследовании психологического познания понятия «субъект», «объект» и «автор теории познания» образуют один ряд, что взаимообогащение эпистемологии и психологии создает возможность теории познания человека, необходимой для наук антропологического круга.

Ключевые слова: эпистемология, психология, метапарадигма диалога, субъективное, объективное, мышление, бытие, проблема человека, предмет психологии, теория познания человека, С. Л. Рубинштейн, В. А. Роменец.

Для цитаты: Мясоед П. А. (2018) Человек в теории познания и психологическое познание человека (к вопросу о соотношении эпистемологии и психологии) // Методология и история психологии. Вып. 3. С. 105–126.

Психология нуждается не только в методологии, необходимой для определения истории, состояния, проблем этой науки, обоснования принципов, стратегий и методов исследований, но и в теории познания, предметом которой являются психологические знания в их отношении к исследуемой реальности. Психология, в свою очередь, обогащала бы эпистемологию своими достижениями в поисках ответов на вопросы, как именно человек познает мир и как он оперирует полученными знаниями. Отчасти это происходит. Ж. Пиаже разрабатывает генетическую эпистемологию, раскрывающую связь научных понятий с формированием логико-психологических операций в детском возрасте (Пиаже, 1994). А. Бишоп и Дж. Троут расширяют границы эпистемологии, обращаясь к нормативным суждениям человека (Bishop, Trout, 2005). Г. А. Балл утверждает необходимость психологической эпистемологии, которая изучала бы «человеческие знания в психологическом аспекте», с учетом наполняемости их значениями и смыслами, строилась на «метaparадигме диалога» и нацеливала психологов на раскрытие содержания и детерминации качеств, свойственных именно человеку (Балл, 2006). Статья о психологической эпистемологии (epistemology psychological) есть в энциклопедии Р. Корсини и А. Ауэрбаха, где речь о новой дисциплине, занимающейся психологическими аспектами феномена познания, разработкой требований к достоверности знаний и точным описанием познавательных процессов человека (Ройс, 2006). Есть и другие направления поисков в данной области (Corlett, 1991; Fenici, 2009; Goldman, 1990). Эпистемо-

логией называют теорию познания, психологию понимают как когнитивную науку. Применяется подход «от психологии к эпистемологии».

Подход «от эпистемологии к психологии» тоже применяется, когда предметом эпистемологического анализа становится психологическое знание (Лекторский, 2001), но, как и в первом случае, это знание о познавательных процессах человека. Если же психология — это и знание о самом человеке, не только конкретно-научное, но и теоретико-методологическое, то следует искать глубинные связи между эпистемологией и психологией, между теорией познания человеком действительности и теорией психологического познания человека.

В эпистемологии главенствующим является отношение «субъект—объект», в психологии — «субъективное—объективное», эти дисциплины объединяет мышление исследователя в его стремлении согласовать свойства человека быть субъектом своих действий, обладать субъективностью, и свойства окружающего мира. Определяется место человека в познании того, что находится вне его, и психическое человека в его соотношении с тем, что таковым не является; общим выступает необходимость соотнесения реальности человека и реальности мира. Эпистемологию и психологию объединяет необходимость осмысления феномена бытия человека в мире. Исследовать, как это происходит, как взаимодействуют эти дисциплины и какие возможности в этой связи открываются, — задача данной статьи. Исследуется и движение от эпистемологии к психологии, и движение от психологии к эпистемологии на вполне

определенном — теоретико-методологическом основании.

В статье не разграничиваются понятия *эпистемология* и *гносеология*, это разрушает представление о некоей организации позиций, призванных задавать представление о феномене познания. Разграничивать, скорее, нужно понятия *эпистемология* и *теория познания*, в первом случае делая акцент на истории дисциплины, которая исследует этот феномен, а во втором — на идеях, его объясняющих. Теория познания — совокупность обозначенных именами конкретных мыслителей вкладов в историю эпистемологии. Центральными становятся понятия *субъект*, *объект* познания, а также *автор* идей. Следует показать, каким образом выступают эти понятия в эпистемологии и психологии; для решения данного вопроса требуется осуществить экскурс в историю двух дисциплин.

Задача статьи решается с привлечением материалов труда «Теория познания»¹. Методологическим принципом

решения выступает метапарадигма диалога (Г. А. Балл) — установка на согласование и продолжение логики мысли авторов исследуемых позиций. Диалог в области эпистемологии, а также психологии открывает возможность охарактеризовать определяющие идеи и движение мышления в этих дисциплинах, обобщить свойственные этому процессу закономерности.

Человек как субъект в теории познания

Точкой отсчета истории эпистемологии почти единогласно считаются идеи Р. Декарта. Это Новое время, расцвет науки Запада и потребность переосмысления теологических оснований предшествующего периода ее развития. По словам Г. В. Ф. Гегеля, Р. Декарт отбросил философствование, исходившее из авторитета церкви, и выдвинул требование: мысль должна начинаться с себя самой. Теологический принцип в мышлении Р. Декарта остается: это Бог вложил в разум человека идею о необходимости познания природы средствами, которые он вложил в его душу. Но в объяснении феномена познания определяющим становится принцип рационализма: познание — способность человека сомневаться в своих знаниях, мыслить и таким образом утверждать свое существование («*cogito ergo sum*»). В то же время находит продолжение линия античной философии с ее делением мира на идеальное и материальное. Об этом — картезианская идея двух субстанций: мыслительной, неделимой, и телесной, протяженной. Первая характеризует свойства субъекта, вторая — свойства объекта. Отстранение субъекта от объекта объявляется необходимым условием приобретения истинных знаний о мире;

¹ Это многотомный труд Института философии СССР, позже — РАН (Теория познания, 1991–1995), в предисловии говорится, что он посвящен актуальным проблемам марксистско-ленинской диалектико-материалистической теории познания. Два первых тома выдержаны в этом духе, в 3-м томе идеям К. Маркса отводится один параграф, рассматривается его концепция восхождения от абстрактного к конкретному, в 4-м — параграф с красноречивым названием «Марксистская традиция: мнимое торжество диалектики, фактическое господство социоцентризма». В именном указателе к 1-му тому К. Маркс — «теоретик пролетарской революции, основоположник диалектического и исторического материализма, марксистской политэкономии и научного коммунизма, основатель и руководитель первых международных пролетарских организаций», к 4-му — «нем. экономист и философ». Распадается СССР, рушится государственная идеология, авторы и редакторы «Теории познания» решительно изменяют свои позиции. Тогда что такое теория познания? Содержание труда говорит о том, что это множество разнообразных идей о природе, сущности, процессе познания, высказанных на протяжении истории человечества, что это продолжающийся процесс, который

имеет свою историю, логику и, озаменованную присутствием человека, психологию.

на субъекта возлагается ответственность за метод и результаты познания. Эпистемология получает «субъект–объектное» противопоставление, *субъектоцентризм* (В. А. Лекторский), и *принцип наблюдения*, согласно которому субъект проследживает движение объекта на определенном отрезке времени и пространства и находит ему место во внешней системе координат. Объект отражается в мышлении субъекта, полученное знание считается обусловленным его природой. Идеальное противопоставляется материальному, объективное — субъективному. В эпистемологии — это классическое мышление, борьба с ним пронизывает ее историю: дуалистической логике оппонирует монистическая, зарождается и все более углубляется неклассическое мышление. Можно видеть расстояние, которое проходят эпистемологическая мысль и те идеи, которые она рождает. Оппозиция «субъект–объект» является ориентиром анализа этого процесса.

Б. Спиноза также опирается на теологический принцип, но здесь совсем другая логика: субстанция — одна, это Бог или природа — то, что существует само через себя и не нуждается ни в чем другом. Протяженность и неделимость — ее атрибуты; противопоставление идеального материальному на основании пространственно-геометрического свойства природы происходит в мышлении как свойстве самой природы. Человек — часть природы с ее «вечным порядком», аффективное, способное подчиняться разуму, существо. Познание — свойство природы через человека открывать свою потаенную сущность, себя выражать. Картезианской идее разъединенного на несоизмеримые сущности мира противостоит спинозовская идея самоотражения мира в человеке. Близкие положения провозглашает Г. В. Лейбниц, говоря о монаде как душе и «зеркале Вселенной», о «принципе всеобщей взаимосвязи». Мыслители ведут речь

о непосредственном присутствии человека в мире, предстоящем перед ним как объект познания. На смену субъектоцентризму приходит *субстанциализм*, на смену принципу наблюдения — принцип детерминизма, и это уже новая система координат анализа феномена познания.

И. Кант называет свой вклад в теорию познания «коперниканским переворотом» и объясняет: Н. Коперник, когда оказалось, что гипотеза о вращении звезд вокруг наблюдателя не объясняет движение небесных тел, предположил, что движется наблюдатель, а звезды находятся в состоянии покоя. Тогда природа — не объект наблюдения (Р. Декарт), а предмет понимания субъектом; не познание следует согласовывать с объектом, а объект — со способом познания, каковым является разум человека; разум не воспроизводит, а конструирует действительность. Природа с ее «порядком» (Б. Спиноза) — продукт разума, он «не черпает свои законы с природы, а предлагает их». Категории разума априорны, обогащают опыт, но то, какой является природа вне опыта, неизвестно. Познание ограничено антиномиями разума — противоположными суждениями, каждое из которых может быть обосновано. Вещь остается «в себе», сознание действует по принципу «трансцендентального единства апперцепции» — выхода за пределы реального на основании возможностей разума; благодаря трансцендентному, человек пребывает в сфере рационального. Как и Б. Спиноза, И. Кант снимает оппозицию «субъект — объект», но на другом основании: объект получает свои определения в мышлении субъекта в соответствии с пространственной схемой природы, задаваемой априорно. Это идея опосредствованного мышлением присутствия человека в познании (и относительно картезианского субъектоцентризма, и спинозовского субстанциализма) — *процессуализм* в эпистемологии. Требованию исследовать объект в его

независимом от субъекта существовании противопоставляется требование подходить к результатам познания как к продукту познавательной деятельности человека. В противовес свойственной Новому времени концепции определения мира Богом эпоха Просвещения в лице И. Канта утверждает концепцию определяемого познанием человека мира.

Субъектоцентризм базируется на идее двух — субъективного и объективного — миров, субстанциализм — на идее непосредственного присутствия человека в мире, процессуализм — на идее непосредственного присутствия человека в познании. Человек провозглашается субъектом познания мира, органом самопознания мира, носителем способности постигать мир в границах его мышления. Это разные определения места человека в познании. На человека возлагается ответственность за метод познания, он является частью и агентом неподвластной ему сущности, акцентируется внимание на возможностях и пределах его разума. Каждому определению места человека в познании соответствует своя логика объяснения феномена познания.

Г. В. Ф. Гегель противопоставляет «формальной» логике И. Канта диалектическую: в мире нет ограничений, препятствующих познанию; мышление — не специфическая особенность человека, а конкретное выражение абсолютной идеи, это мысль Бога накануне сотворения им природы и человека. Абсолютная идея отчуждает свое бытие в конечном духе: «в-себе-бытие» превращается в «для-себя-бытие». Гегель оппонирует и Декарту, и Канту, и Спинозе. Идея и рождает и «снимает» противоречия, это источник ее диалектического развития. Познание человеком мира — познание продуктов идеи, что требует такого же — диалектического мышления. Движение сознания — стадияльное восхождение от абстрактного к конкретному; индивиду-

альное становится тождественным универсальному, субъект — объекту. «Человек знает о Боге то, что Бог в человеке знает о себе». Тождественность субстанции во всех ее проявлениях предполагает тождество мышления и бытия. Согласно Спинозе, место человека в познании — его место в обладающей мышлением природе, согласно Гегелю, это место мышления, постигающее свое инобытие в форме природы и человека. Это субстанциализм (человек — часть мира, познание мира — его, через человека, самопознание), но качественно иного вида: субстанция характеризуется через отношение мышления к бытию. Спиноза разрушает основания дуалистического мышления в эпистемологии, мышление Гегеля является последовательно монистическим.

Решения вопроса о месте человека в познании освещают процесс, который имеет мировоззренческие основания и позиции, где каждая, отрицая предыдущие, их продолжает. Вокруг него оборачивается вся история эпистемологии, это *основной вопрос* данной дисциплины. Переход от отношения «субъект — объект» к отношению «мышление — бытие» — новый этап истории эпистемологии и точка отсчета *неклассического* решения этого вопроса.

К. Маркс освобождается от влияния идей Г. В. Ф. Гегеля и проводит идею материального единства мира: человек осуществляет свое бытие в форме общественно-исторического способа производства предметов, удовлетворяющих его потребности. Это способ жизни человека в ее материальности, обуславливающий все иные ее процессы, включая духовный. Идеи — не источник, а результат его практической деятельности. Сущность человека — в закономерном историческом, естественном движении его истории. В своей деятельности человек отражает объект в форме образа, идеи, воздействием его изменяет, изменяясь сам;

познание им мира и себя самого происходит в процессе практики, истина — в соответствии мысли, знаний объективной действительности. Задача философии не в том, чтобы объяснять, а в том, чтобы, основываясь на знаниях, изменять мир. Психология призвана стать «естественной наукой о человеке» и исследовать «историю и бытие промышленности как раскрытую книгу человеческих сущностных сил». Всеобщее движение истории «отрывает» органы человека от его индивидуальности, они становятся «зеркалом и эхом Вселенной», индивидуальное — отражение всеобщего. Как у Спинозы и Гегеля, это субстанциализм: человек в познании выражает сущность, которой принадлежит, подчиняясь ей как закону. Дальше — принципиальные различия: это закон не природы и не идеи, а истории человека; субъект познает реальный мир, пользуясь средствами, выработанными в процессе практики; мышление тождественно бытию потому, что адекватно его отражает. Как таковой теории познания у К. Маркса нет, марксистская теория познания — продукт интерпретации его идей. Э. В. Ильенков, исследуя идеальное, находит его объективированным во всем, «созданном человеком для человека», говорит о восхождении от абстрактного к конкретному (чем конкретной мышление, тем больше оно приближается к истине, которая в реальном, а не идеальном бытии), тождестве мышления и бытия (в постижении бытия последнее обретает свое инобытие), единстве диалектики, логики и теории познания (как диалектическое историко-логическое отражение действительности). Ребенок через собственную деятельность присваивает опыт деятельности предшествующих поколений, происходит «индивидуальный сдвиг в системе образов», что является предметом марксистской психологии.

Утверждаются существенно различающиеся положения, но базовая позиция

эпистемологии — поиск места человека в познании — позволяет видеть то, что их объединяет. Отталкиваясь от идей Гегеля, Маркс наполняет их фактически противоположным содержанием, но в обоих случаях это концепция подчиняющегося историческому закону мира. Относительно классического, это способы неклассического мышления в эпистемологии и субстанциализм в решении основного вопроса данной дисциплины: человек в познании отражает закон бытия мира и свое бытие в нем. Гегель видит бытие идеальным, Маркс — материальным, при этом оба снимают картезианское противопоставление субъекта и объекта, исследуют отношение мышления к бытию, закладывая основание неклассической эпистемологии. Исследования в этой области продолжаются в XX столетии — в тесной связи с историей науки. Философы реагируют на состояние, в котором она находится, стремятся помочь ей преодолеть имеющиеся трудности. Трудности нарастают, наука попадает в состояние кризиса, что требует переосмысления ее оснований и выработки нового видения феномена и способов познания. Рождаются идеи, существенно отдаленные от предшествующих.

А. Бергсон отрицает «философию застывших форм бытия» и вводит понятия о длительности, жизненном порыве, творческой эволюции. Бытие — борьба живого с инертным, человек появляется на острие этого процесса, являясь «частицей Всего», длительность обретает возможность осознавать себя. Понимание этого процесса требует «философии жизни», для которой сознание, как и жизнь, имеет в своей основе «внутреннюю причинность». Здесь прошлое, через память, связывается с настоящим, о будущем ничего сказать нельзя. И наука, и философия зиждутся на интеллектуальном познании, длительность отождествляется с физическим временем, познание направлено

вовне, только интуиция освещает жизнь изнутри. Интуиция — образ, жизнь и освещается образом, и сама является образом, противопоставление идеального материальному теряет смысл. Философия выходит на «третий путь». Образ не может противопоставляться образу, борьба между идеализмом и материализмом теряет смысл, философия жизни — «третий путь», где нет ни субъективного, ни объективного, а есть длительность и ее формы. Бергсон, как Гегель и Маркс, мыслит о бытии, но находит его не в отчужденном от человека, а в живом, включающем в себя человека, пребывающем в бесконечном творческом преобразовании, виде. Это уже другая, по-новому снимающая «субъект-объектную» оппозицию, форма субстанциализма.

Э. Гуссерль называет себя «последовательным бергсоном», а о науке говорит, что она исследует вещи, устанавливает причинно-следственные связи, применяет логические методы, теряет субъективность, с которой начинается наука давних греков. Р. Декарт фиксирует эту тенденцию и закрывает перед философией возможность видеть вещи такими, какими они являются в очищенном от чувственных впечатлений виде, как непосредственные феномены сознания, как «чистый мир идеального бытия», где кроются смыслы вещей мира. Следует отказаться и от рационализма, и от психологизма, который ставит познание в зависимость от эмпирического содержания сознания, применить метод «феноменологической редукции», дойти до истоков и постичь «жизненный мир» — мир в его естестве. Это задача «феноменологической философии», она призвана, основываясь на способности философа к переживанию и интуиции, открыть то универсальное, которое кроется за единичным. Гуссерль продолжает Бергсона, отказываясь от понимания бытия чего-то внешнего по отношению жизни, но

саму жизнь определяет не через понятие длительности, а через понятие «чистого смыслообразования». Оба как бы продолжают с того места, где останавливается Кант: познание переходит свои границы и проникает в «вещь в себе», когда это интуитивное постижение бытия в его сути. Кризис науки и философии — следствие зафиксированного Декартом рационалистического представления о познании и бытии как противостоящего человеку мира. При этом и Бергсон, и Гуссерль выносят человека в его собственном существовании за рамки бытия. Этот пробел, оппонируя Э. Гуссерлю («мне трудно понять, как приводится в исполнение способ, называемый феноменологией»), заполняет М. Хайдеггер.

Рассматривать бытие вне бытия человека значит проходить мимо бытия в его обозначенном присутствием человека наличности (нем.: *Dasein*). Бытие существует и до человека, как возможность выйти за свои пределы, что и происходит благодаря человеку. Бытие обретает определенность и ее теряет, когда человек «отпадает от бытия». Бытие — не мир, а бытие мира, становящееся таковым с появлением человека, в мире бытие взаимодействует с сознанием, так мир осознает себя. Бытие человека — экзистенция, устремленность за пределы предметности, к тому, что уже «Ничто». Будучи «заброшенным» в мир, человек пытается постичь его смысл, он и в бытии, и вне бытия, и в мире, и с миром. Постигая мир, общается к истине, которая в бытии и открывается ему, когда он погружается в него своей способностью понимать и объяснять сущее. Познание истины — выход человека за пределы мира к бытию, трансцендирование его субъективности... Вещи, события мира наделяются значениями языка, сущее «опредмечивается», изменяются значения — изменяется познание. О присутствии субъективности человека в познании говорят значения языка

древних греков, наука Нового времени в своем стремлении достичь объективного знания изгоняет из познания субъективность, бытие обезличивается. Познание предполагает присутствие и заботу человека во времени его бытия, это условие бытия мира в его истинных формах.

Бергсон апеллирует к длительности как «живому» свойству бытия. Гуссерль провозглашает лозунг «Назад к вещам!», чтобы постичь бытие в его сути. Лозунг Хайдеггера — «Язык — дом бытия», через язык бытие выходит из своего «дома», рассказывает о себе. С предшественниками его объединяет понимание источника кризиса познания в неспособности человека постичь бытие в его отстраненности от него самого. Это уже другое мышление о бытии, но все тот же субстанциализм, снимающий границу между субъективным и объективным.

М. К. Мамардашвили тоже начинает с Р. Декарта: следуя его теории познания, наука утверждает идею «готовых законов существования мира», хотя неизвестно, каким был мир до того, как стал объектом познания. Место принципа наблюдения должен занять принцип неотделимости объекта от пространства наблюдения; оснований для противопоставления субъективного объективному нет. Явление неотделимо от мышления о нем, имеет место не «знание явления, а явление знания». Феномен идеологии (К. Маркс), бессознательного (З. Фрейд), данные о невозможности бесконечно проследить движение объекта (Н. Бор) говорят о том, что образ мира складывается за пределами конкретного акта познания, что человек отчужден от своего сознания. Познание требует «феноменологического сдвига» (Э. Гуссерль), но феномены сознания не наблюдаемы, их репрезентируют символы, они же репрезентируют место человека в мире. Мир индивидуализируется, истина постигается «моим» мышлением, это живой процесс, его невозможно пе-

редать кому-то другому. Знание рождается «неизбежностью мышления», является самодостаточным, завершенным и не может быть ступенькой к чему-то новому; существует «разрыв понимания». Философия реализует неизбежность мышления и открывает науке ее предпосылки; в лице философа человек осознает себя, история философии — «акты самоосознания человека». В научной картине мира «понимание законов мира является одновременно элементом мира, законы которого понимаются». Понимание — орган «продуцирования истины», «структурирования мира». Познание — свободное действие, причина которого кроется в нем самом. Трансцендентной теории познания (И. Кант) противостоит трансцендентальная, то, что для первой — предмет, для второй — символ. Последний интерпретируется, знание рождается актом осуществления. В терминах наблюдения эффекты осуществления фиксируются как его продукты, появляются противопоставления: «бытие — сознание», «субъект — объект», «мышление — предмет»; закрывается возможность теории познания как осуществляющегося мышления.

История эпистемологии начинается с установленного Декартом несоответствия свойств человека и свойств познаваемого им мира, это субъектоцентризм и классическое мышление в эпистемологии и науке. Субстанциализм Спинозы и процессуализм Канта противостоят дуализму Декарта: свойство человека познавать мир — свойство субстанции через него открывать свою потаенную сущность; именно свойства человека определяют объект мира. Создаются предпосылки неклассического мышления, и далее это уже субстанциализм Гегеля и Маркса. Каждый говорит о бытии как форме субстанции и находит, что человек мышлением отражает исторический закон бытия. На место отношения «субъект — объект» становится отношение «мышление — бытие», чело-

век в познании объявляется частью объективного процесса, на смену классической приходит неклассическая эпистемология, и дальше это уже история начатой Бергсоном и продолженной Гуссерлем характеристики познания как постижения бытия через субъективность человека. Снимается граница между субъективным и объективным, внимание исследователей перемещается в плоскость иррационального. Хайдеггер вводит понятие *Dasein*, и это уже определение бытия через человека, а человека — через бытие. Познание предстает самоотражением бытия в человеке, такого же рода теорию разворачивает Мамардашвили: человек — носитель способности мышлением понимать мир, познание — понимание мира. Субстанциализм сочетается с процессуализмом. Каждый оппонирует Декарту, продолжая с того места, где останавливается Кант. Каждый отрицает предшественников, их продолжая, историю эпистемологии пронизывает нескончаемый диалог, рождая все новые и новые идеи.

Мыслители стремятся показать выход из кризиса, в котором оказывается наука, но ученые если и обращаются к теории познания, то наполняют ее своими идеями, при этом рассматривают не отношение «мышление — бытие», а отношение «субъект — объект». Потому что в науке на месте субъекта — познание, на месте объекта — познаваемое. Как получить объективные знания об объекте, не вынося познающего за рамки познания? Если в эпистемологии отношение «субъект — объект» снимается неклассическим мышлением, то в науке это является условием ее существования, и не только в естествознании, но и в гуманитаристике. Психология с ее направленностью на субъективный мир также отстраняется от мира объективного. Это все тот же классический взгляд на процесс, пребывающий в поле сосуществования несоизмеримых сущностей. Вопрос, поставленный

в начале статьи, — как сочетается мышление в эпистемологии и психологии — является вполне правомерным.

Неклассическое мышление в эпистемологии преодолевает субъектоцентризм, переступает границы процессуализма, осуществляет свое движение в русле субстанциализма, при этом о человеке как объекте познания речи нет. Правда, есть исключения.

Человек как объект в теории познания

М. Фуко изучает труды К. Маркса, но соглашается только с тем, что жизнью человека правит исторический закон. Это не непрерывный закон производства предметов, а прерывный закон приобретения знания. Исторические структуры мышления, эпистемы, рождают конфигурации знания (ренессансная, классическая, современная), определяют образ мыслей человека, условия и способы образования идей, характеризуют культуру эпохи, ограничивая появление новых идей. Такого объекта познания, как человек, до XIX столетия не существовало, это продукт дискурсивной практики о том, как человек осуществляет свою жизнь в мире. Последняя устанавливает порядок в «сетке местоположений актов высказываний», что не предполагает ни «трансцендентного субъекта», ни «психологической субъективности». Человек в познании — автор текста, и это текст, а не он, проговаривает истину. Выявление раньше неизвестного текста Г. Галилея или И. Ньютона может изменить представление об этих ученых, но не о механике, которая хотя и основывается на их идеях, является продуктом дискурсивной практики. Понятие субъекта познания, говорит о нем Декарт или Кант, теряет смысл. Для Фуко это понятие исторического, надындивидуального, а не психологического содержания. К психологии он критичен: то, что

дается в эмпирическом знании, считается тем, что определяет его формы; перекрывается путь к психологии бытия человека в мире. Человека следует понять через то, что кристаллизуется в продуктах истории, только так в психологии можно преодолеть противоречие между внутренним и внешним, субъективным и объективным, человеком и миром. Сам Фуко преодолевает точно такое же противоречие в эпистемологии и этим свидетельствует, что психология связана с ней общим основанием, расколотым надвое логикой Декарта

И когда человек считается точкой отсчета познавательного процесса (субъектоцентризм), и когда исследуется сам процесс (процессуализм), и когда утверждается, что познание является отражением и самопознанием бытия (субстанциализм), объектом познания выступает природа, а не человек. В этом отношении Фуко делает значительный шаг вперед: эпистемология получает человека как объект познания, правда, вместе с отрицанием понятия «субъект познания». Субстанциализм приходит к своему логическому завершению.

Функцию эпистемологии выполняет философия науки — позитивизм (О. Конт, Дж. Ст. Милль), неопозитивизм (Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап...), постпозитивизм (К. Поппер, И. Лакатос, Т. Кун, П. Фейерабенд, И. Пригожин, В. С. Степин...). Позитивисты сводят философию к исследованию индуктивных построений в науке, неопозитивисты анализируют логику положений науки, постпозитивисты исследуют ее историю и достижения. Позитивизм оттеняет место человека в познании, неопозитивизм снимает этот вопрос с рассмотрения, постпозитивизм к нему возвращается, уделяя особое внимание мышлению ученого. Как и в эпистемологии, здесь следующий шаг, отрицая предыдущий, его продолжает.

К. Поппер соглашается с И. Кантом: «коперниканский переворот» в эпистемологии говорит, что порядок, открываемый познанию, является результатом творческих усилий человека, что объект определяется субъектом. История науки это подтверждает и говорит о том, что здесь применяется не диалектическое (Г. В. Ф. Гегель, К. Маркс), а критическое мышление, и действует не принцип верификации (Р. Карнап), а принцип фальсификации — опровержения известного. Отличия научного знания от ненаучного условны; нормы науки — «интеллектуальная тюрьма для ученого»; наука — приближение к истине на основе способности человека исправлять ошибки. С философией она пересекается в связи с проблемой познания человека миром и себя самого, когда «человек находит себя частью мира». В этом Поппер соглашается со Спинозой: человек познает мир, будучи элементом этого мира. Субстанциализм в эпистемологии продолжается конкретизированным на материале истории науки решением основного вопроса этой дисциплины.

И. Пригожин ссылается на А. Бергсона, когда говорит, что время — это длительность, и на М. Хайдеггера, когда утверждает, что наука не принимает во внимание события, предполагающие присутствие в мире человека. Господствует идущая от Г. В. Лейбница «концепция вечности»: законы природы считаются неизменными, мир делится на детерминируемое внешнее и недетерминируемое внутреннее, первое становится объектом естествознания, второе «отдает» на откуп гуманитарным наукам». Новые данные показывают, что фундаментальным свойством материи является нестабильность с «точками бифуркации», что делает ее развитие непредсказуемым. События, с которыми имеет дело наука XX столетия, — случайны и уникальны; противопоставлять объекты на основа-

нии способа детерминации непропорционально. Пригожин развивает положение о том, что базисным механизмом эволюции являются неравновесные структуры, что макро- и микромир — взаимосвязанные аспекты Вселенной, что человек продукт ее эволюции и принадлежит изучаемому им миру. Наука — «небольшое окошко в универсум», законы науки — продукт познавательной деятельности, человек пребывает в «центре законов мира». Требуется научная рациональность, которая учитывала бы реальное место человека в мире. Наука развивается в культурном контексте и открытиями его формирует; научные и вненаучные способы познания могут дополнять друг друга; деление науки на естествознание и человекознание должно уйти в прошлое. Пригожин говорит то же, что Поппер: присутствие человека в познании — его присутствие в мире, он изучает то, частью чего является. С провозглашением человека центром познания начинается *субъектоцентризм*, теперь же на место отношения «субъект — объект» становится отношение «человек — мир», на место субъектоцентризма — *человекоцентризм*. Философия науки демонстрирует новые решения основного вопроса эпистемологии и в лице К. Поппера и И. Пригожина выходит на *постнеклассический* уровень развития.

Т. Кун соглашается с К. Поппером: одна научная теория отвергает другую; в наращивании знания нет последовательности; наблюдение в науке является «теоретически нагруженным», не соглашается он с тем, что ошибки теории — основание для ее опровержения и что фальсифицируемая теория лучше любой другой. Одна теория может уступать другой еще до процедуры фальсификации, лучше ее она потому, что предлагает новое решение проблем. Ученый применяет теорию именно в таком качестве, при этом не сомневается в ее истинности, если же не достигает успеха, то страдает не тео-

рия, а его компетентность. Когда им овладевает новая идея, происходит как бы переключение гештальта, исследование логики науки следует дополнить исследованием психологии научного открытия. Важно понять, как ученый создает теорию и что вынуждает его коллег принимать, а затем отрицать ее. Т. Кун вводит понятия «парадигма», «головоломка», «научная революция», «научное сообщество», науку видит историко-логическим, наполненным психологическими моментами, процессом. Ученый открывает новый способ решения проблем, он овладевает умами других ученых, становится парадигмой, наука возвращается в русло надындивидуального движения к истине — до очередной научной революции и парадигмы. П. Фейерабенд идет намного дальше: наука принципиально не отличается от мифа или религии, это иррациональный процесс; у каждой теории — своя реальность, это «открытие», «уникальный взгляд на мир», «конвенция», создающая видимость общих усилий; оснований для сравнения теорий нет. Люди осуществляют познание в соответствии со своим мировоззрением, убеждениями, установками; ученый достигает успеха только тогда, когда нарушает нормы науки, в науку следует ввести принцип «допустимо все». Т. Кун находит человека активным участником закономерного процесса, П. Фейерабенд — источником процесса, лишеного каких-либо закономерностей. Позиции существенно различаются, но в обоих случаях это уже область психологии науки.

По А. Маслоу, наука — «продукт человеческой природы ученого», «пиковые переживания» — такой же инструмент познания, как и разум; ученый удовлетворяет свою потребность в самоактуализации, заявляя о своих интересах, страстях, одержимости, стремлении постичь тайну мироздания (Maslow, 1966). Объект науки переносится во вневещественную область, но только благодаря переживаниям

обретает черты реальности, на достижениях науки лежит печать индивидуальности ученого; классическая «безличная модель» науки не соответствует действительности. А. Маслоу смотрит на науку с позиций гуманистической психологии, основателем которой является М. Г. Ярошевский — с позиций своей теории историко-психологического процесса и с этих позиций вместе с сотрудниками исследует научное мышление, общение, научные школы, группы, личность ученого (Аллахвердян и др., 1998). По Маслоу, ученый — главенствующее звено науки, по Ярошевскому, он представлен категориальными структурами мышления, природа которых историко-логична и которые определяют форму детерминистического, собственно научного объяснения; личность ученого — неотъемлемый компонент порождения нового знания, но этот процесс протекает независимо от его психической организации. Маслоу говорит о преобладании субъективного над объективным, Ярошевский — объективного над субъективным. Принципиально по-разному решается вопрос о месте человека в познании. В психологии науки происходит то же, что и в эпистемологии.

В. С. Степин (2004) по поводу психологии науки замечает: она правомерна, если опирается на логико-методологические разработки, учитывает механизмы включения достижений науки в культуру и влияние последней на науку через ее философские основы. Это оценка с позиций его теории структуры и исторической эволюции теоретического знания. Наука — культурно-историческая система получения объективных знаний о мире; научная картина мира — систематизация знаний на почве категориальных структур сознания. Новое в науке — следствие научной революции (Т. Кун), история науки — история интерпретации отношения «субъект — объект»: субъект отделяется от объекта; полагается, что через средства

влияет на объект, что взаимодействует с объектом в границах мировоззренчески и интеллектуально обусловленных взаимоотношений с миром. Это основные черты классического, неклассического естествознания и постнеклассической науки, каждый раз это новая научная рациональность и новая научная картина мира. Постнеклассическая наука — исследование сверхсложных «человекоразмерных комплексов», применение исторических методов, междисциплинарный синтез знания, сближение естествознания и гуманитарных наук, науки Запада и Востока. Складывается многомерная картина мира, включающая в себя знание о человеке. В. С. Степин не разделяет свойственную К. Попперу и И. Пригожину идею человекоцентризма: человек в картине мире — «один из объектов сугубо объективного способа ее построения». На вопросе о том, какой должна быть наука о человеке, он не останавливается.

Отношением к психологии философия науки не отличается от эпистемологии: состояние, в котором она находится, не принимается, ее ориентация на естествознание осуждается. К психологии философы если и обращаются, то только для иллюстрации своих идей. Б. Рассел находит возможным перевод понятий психологии на язык физики — только тех, которые не касаются «интуитивного знания»; Р. Карнап требует от психологов верификации их позиций; Л. Витгенштейн называет свою теорию философской психологией, при этом отрицает и философию, и психологию в их традиционном виде; К. Поппер по поводу идей З. Фрейда заявляет, что они «не более научны, чем истории Гомера об Олимпе». И. Лакатос не принимает апелляции к психологии Т. Куна и П. Фейерабенда: иррациональные основания науки делают ее невозможной. Философы видят, что психология не выдерживает сравнения с естествознанием, и выносят ее за рам-

ки науки. Характерно, что А. Маслоу и М. Г. Ярошевский за примерами обращаются преимущественно к естествознанию.

А. В. Юревич (2005) так описывает психологию: сосуществуют альтернативные модели объяснения природы психического; каждое новое направление объясняет предыдущие набором ошибок и артефактов; отсутствуют критерии добытия, верификации и адекватности знания; знание не образует последовательности и не накапливается; психология человека расчленяется на отдельные психические процессы и явления; проблемы здесь указывают на отсутствие прогресса в познании, научные школы «не имеют ничего общего, кроме границ», а теории, «как и парадигмы Т. Куна, несовместимы». Это оценка психологии с позиций позитивизма, дальше — уже постпозитивизм в духе П. Фейерабенда: «психология такова, какова она есть и другой быть не может»; зачем психологам следовать нормам познания, принятым в физике, если сами физики им не следуют? О нормах психологии говорить трудно уже потому, что по-разному определяется предмет этой науки (Мазилов, 2006). Психологи исследуют реакции, состояния, процессы, свойства, человек в психологии — и организм, и индивид, и личность, и межличностные отношения, и взаимоотношения с миром... Количество теорий здесь отвечает количеству выдающихся психологов, при этом у каждой теории — свой предмет, что для автора теории является предметом психологии. Историки находят в ней логику, но к общему мнению не приходят, уже этим свидетельствуя, что психолог непосредственно присутствует в психологическом познании (Мясоед, 2015б). Как можно психологию ставить в один ряд с естествознанием?

Философия науки указывает на особую роль ученого в научном поиске (Т. Кун, П. Фейерабэнд) и выводит эпистемологию на новый этап развития, ког-

да находит его присутствующим в мире, предстоящем перед ним как объект познания (К. Поппер, И. Пригожин). Субъектоцентризм в эпистемологии трансформируется в *человекоцентризм*, и это уже *постнеклассическое* определение места человека в познании. Исследование постнеклассической науки приводит к осознанию необходимости включения знаний о человеке в научную картину мира (В. С. Степин), об этом же говорит психология науки (А. Маслоу, М. Г. Ярошевский). Каждая позиция в области науковедения несет на себе печать мышления автора, это форма его присутствия в исследуемом процессе.

Психология предметом эпистемологического анализа не становится, но необходимость в этой науке осознается: Э. Гуссерль разрабатывает проект феноменологической психологии, М. Хайдеггер закладывает основания экзистенциальной психологии, Э. В. Ильенков говорит о марксистской психологии, М. Фуко — о психологии бытия. Движение от эпистемологии к психологии, о чем говорилось в начале статьи, происходит и продолжается в мышлении психологов, когда они обращаются к идеям эпистемологов.

Идеи эпистемологов и мышление психологов

Последователи Э. Гуссерля реализуют проект феноменологической психологии в форме дескриптивного интуитивно-аналитического метода в исследованиях соотношения знаков и предметных референтов, структуры переживаний и «чистого» сознания; проект не выдерживает проверки временем, но метод находит применение в экзистенциальной психологии (Улановский, 2007). Прежде всего — в Dasein-анализе Л. Бинсвангера (2001), основанном на идеях М. Хайдеггера. Феномены бытия определяются

в терминах «понимание» и «интерпретация», уровни Dasein становятся критерием разграничения психического здоровья и заболевания. Dasein-анализ наполняется понятиями «я», «бытие-с-другим», «априорные матрицы значений», «бытие-за-пределами-мира». «Я» — это «внутреннее пространство и время», потребности, переживание, мышление, акты творчества, постигаемые «феноменологическим методом». Л. Бинсвангер понимает Dasein как возможность выбора человеком восприятий и переживаний мира, трансцендирование субъективности, дальше вводит понятие индивидуально Dasein как свидетельства присутствия конкретного человека в бытии и основания индивидуального мира, представленного в матрице априорных значений. По словам Л. Бинсвангера, М. Хайдеггер уничтожил «роковой дефект психологии — субъект-объектную дихотомию», но сам он преодолевает эту дихотомию не через понятие Dasein, а через понятие «я», бытие предстает в субъективном, «внутреннем» измерении. О бытии мира речи нет.

Теорию марксистской психологии разрабатывает А. Н. Леонтьев (1983), утверждая, что только категория предметной деятельности, практики позволяет объяснить природу психического, удерживая в себе то, что для картезианской психологии является несовместимыми сущностями. Субъективное и объективное — не душа и тело, материальное и идеальное, а деятельность в ее двух, тождественных по строению, формах. Внешняя форма интериоризируется, мир отражается в образе. Последний является предметным и в этом качестве побуждает деятельность: ее мотивом выступает вещь мира, способная удовлетворить потребность человека, актуализированную процессом деятельности; эмоция сигнализирует о степени ее удовлетворения. За усложнением строения деятельности следует развитие познавательных процес-

сов, формирование сознания; исторически это продукты производственных отношений, онтогенетически — усвоения ребенком объективированного в предметах общественного опыта. Разграничение, лежащее в основе картезианской психологии, — мышления и протяженности — уступает место разграничению предметной деятельности и ее превращенных, идеализированных форм. Место «постулата непосредственности», согласно которому образ возникает вследствие воздействия внешних агентов на органы чувств, занимает «принцип опосредования», его функцию выполняет категория практики. Это явственно неклассическая, монистическая психология (Соколова, 2001). А. Н. Леонтьев создает научную школу, но «идеологическая функция психологии», под которой он понимает противоборство марксистской теории психического с любой другой теорией, после распада СССР теряет свое значение, а школа — позиции. Новое поколение российских ученых провозглашает идеи гуманистической и экзистенциальной психологии; вместе с категорией практики за пределами психологии оказывается общенаучный принцип детерминизма, психическое объявляется самоценным, самопроизвольным явлением (Мясоед, 2015а).

Психология бытия, по А. Маслоу (1997), — психология «внутренней природы человека», угнетение бытия в человеке — искажение его природы и причина болезни, освобождение через самоактуализацию — признак психического здоровья. Самоактуализация — реализация творческого потенциала человека, поиски «в самом себе» решений проблем, личностный рост. Бытие человека — становление возможного и появление новой, через «пиковые» переживания, психической реальности; основой этого процесса является сила, которая «живет в человеке», побуждает его к постижению все-

общих ценностей, так индивидуальное восходит к универсальному. Личность — замысел и детерминанта собственного развития, выход за пределы «географической» и достижение истинной свободы. Призвание психологии — открыть человеку ценности его бытия, поддержать стремление к самоактуализации, помочь преодолеть преграды на пути к личностному росту. А. Маслоу конкретизирует позиции гуманистической психологии, основателем которой является, психология бытия в его понимании имеет им же заложенные эпистемологические основания.

То, как преодолевается логика Р. Декарта в эпистемологии, — такова эпистемология, как это происходит в психологии — такова психология (Мясоед, 2015б). Определение места человека в познании отражается в определениях природы психического: субъективное либо обособляется от объективного, либо приводится с ним в соответствие. Дуалистическое и монистическое мышление в эпистемологии является таковым же в психологии, преодолевая дуализм, эпистемология и психология выходят на неклассический и далее — постнеклассический уровень развития. Мышление в этих дисциплинах открывает возможность психологического взгляда на эпистемологию и эпистемологической характеристики психологии.

Экзистенциальная психология Л. Бинсвангера вопрос о соотношении субъективного и объективного решает противоположным относительно марксистской психологии А. Н. Леонтьева образом. Объективное характеризуется через субъективное, мир, являющийся для А. Н. Леонтьева исторической, объективной данностью, в мышлении Л. Бинсвангера не представлен. Как и Р. Декарт, он не находит связи между свойствами человека и свойствами мира. А. Маслоу ее даже не ищет, объявляя бытием человека его «внутреннюю природу». И экзистенциальная, и гуманистическая психологии

исследуют мир переживаний человека, но не мир его бытия. Психическое понимается как причина самого себя. «Causa sui», — говорит Б. Спиноза, но это означает, что сущность заключает в себе существование, существованием является природа, психическое — ее атрибут. С эпистемологической точки зрения, между гуманистической и экзистенциальной психологией нет разницы, это *субъектоцентризм*. С. Л. Рубинштейн называет такой подход «куцым антропологизмом, не учитывающим объективного места человека в мире» (2003, с. 359), В. А. Роменец — «психологией Мюнхгаузена, который сам себя поднимает за волосы» (Роменец, Маноха, 1998, с. 826). Если марксистская психология — это психология деятельного способа бытия человека в мире, то «куцый антропологизм» или «психология Мюнхгаузена» — это психология бытия в человеке.

Экзистенциальную психологию называют «неклассическим подходом в науках о человеке» (Леонтьев, 2008). Чтобы говорить о классическом или неклассическом подходе, следует исследовать мышление психолога. С классическим подходом, отталкиваясь от категории практики, последовательно борется А. Н. Леонтьев, эта же категория разводит его с Л. С. Выготским (Мясоед, 2010). Он связывает с именем Л. С. Выготского марксистский «принцип опосредования» в психологии, но согласно его теории развитие психического опосредуется деятельностью, а не «культурным знаком». Классической дуалистической психологии внутреннего мира противостоит монистическая психология интериоризированного мира. Вопрос в полноте охвата психической реальности. Если психическое — момент предметной деятельности, природа которой общественно-историческая, то где здесь место индивидуальным особенностям человека? Как психическое соотносится с явлениями другой природы, например, с генетическим? С. Л. Рубин-

штейн (1973) находит, что А. Н. Леонтьев неправильно трактует марксову категорию присвоения, не учитывает диалектику внутреннего и внешнего, не принимает во внимание, что ничто не входит в процесс развития извне, «безо всяких на то причин». Дальше идет формула принципа детерминизма: «внешнее преломляется через внутреннее», но в трудах С. Л. Рубинштейна она описывается по-разному, а дискуссии ясности не приносят (Мясоед, 2009). Марксистская психология сталкивается с трудностями в попытках определить природу психического.

Преодолеть трудности можно только при другом толковании бытия человека. Именно так и происходит, когда С. Л. Рубинштейн в последнем труде проводит «основную линию выхода за пределы марксизма» и провозглашает идею существования человека внутри бытия (Рубинштейн, 2003). Она напоминает хайдеггеровскую, на самом деле это ряд новых, относительно положений К. Маркса, позиций: индивидуальное соотносится не с социальным, а со всеобщим; природа — не только сфера материального производства, это мир как совокупность соотношенных с человеком вещей, очеловеченное бытие; свое присутствие в бытии человек выявляет любым отношением к миру, включая созерцание; свобода человека — в действиях вопреки внешнему давлению; смысл его бытия — быть «совестью мира», «сознанием человечества»; «человек — зеркало Вселенной». С. Л. Рубинштейн приходит к выводу, что за отношением «мышление — бытие» следует видеть отношение «человек — мир», переступает границы марксизма, существенно расширяя понятие бытия. Последнее не субъективизируется, как в экзистенциальной психологии Л. Бинсвангера или гуманистической психологии А. Маслоу, и не объективизируется, как в марксистской психологии А. Н. Леонтьева, а очеловечивается — предстает историческим

движением, освещающим фундаментальные смысловые аспекты того, что и как человек делает в мире и что предельным образом характеризует его самого. Это неклассическая психология в ее развитии и новый предмет данной науки — психическое человека как свидетельство его непосредственного присутствия в бытии. И проблема человека, которую через «объективное» видение бытия теряет марксистская психология. Открывается возможность пути к психологии бытия принципиально нового типа. Пройти его С. Л. Рубинштейн не успевает. В диалоге с ним путь проходит В. А. Роменец. Это оригинальная линия развития психологической мысли и неординарный вклад в психологическое познание (Гусельцева, 2016; Мясоед, 2013).

Позиции диалога: идеи о непосредственном присутствии психического в мире, о мире как совокупности явлений, соотношенных с людьми, человеке как зеркале Вселенной — возможность охарактеризовать психическое онтологически, все в психологии следует понимать через «человеческий срез как зеркало Вселенной». Суть психического — в «видении мира изнутри», это своеобразный способ самоотражения мира. Формула С. Л. Рубинштейна «человек внутри бытия» раскрывает соотношение конечного и бесконечного, но следует продолжать: конечное и бесконечное удерживает в себе поступок. «*Диалектический переход человека и мира* — вот что такое поступок», это «универсальная категория», с которой нужно начинать и завершать теорию психологии (Роменец, Маноха, 1998, с. 150). Поступок открывает мир изнутри, мир становится «видимым», все содержание психического сосредоточивается в поступке, при этом «открывается центральная проблема психологии — *проблема человека*» (там же, с. 898). Психология XX столетия рассматривает только один компонент поступка — действие — и проблему не исследует

дует. Возникают «антигуманистические направления» — рефлексология, гештальтпсихология, бихевиоризм, психоанализ. Последний становится «комплексом вины» столетия: человек теряет веру в себя, погружается в бессознательное и выносит оттуда темные стороны своей сути. Гуманистическая психология ситуацию не меняет, «самоопределение может быть катастрофически преступным». Проблема человека возвращается в психологию вместе с пониманием, что психическое объективируется в предметах культуры, событиях истории, вкладах в культуру выдающихся личностей, в пути, который человек, с находками и потерями, через страдания и экстатические переживания, удерживая в себе канон бытия, исторически прокладывает². Свою теорию В. А. Роменец называет культурно-гуманистической, ее истоки находит в украинской мысли эпохи Просвещения.

С. Л. Рубинштейн мыслит марксистской категорией практики, в последний

период творчества переживает «великий переворот» и провозглашает новые идеи; В. А. Роменец мыслит категорией поступка, идет дальше и разворачивает теорию поступка, составляющей которой является психология способа бытия человека. Как и в теории А. Н. Леонтьева, в основу объяснения природы психического положен принцип опосредования, но это не предметная деятельность, а поступок, и монизм уже другого порядка. Для А. Н. Леонтьева практикой является общественно-историческая деятельность, для С. Л. Рубинштейна — любые формы взаимоотношений человека с миром, для В. А. Роменца — поступок. Человек подчиняется способу бытия, провозглашается присутствующим в бытии, характеризуется через способ бытия. По-разному понимается место человека в бытии, по-разному определяется природа психического. Относительно марксистской психологии интериоризированного мира, это психология экстериоризированного мира. Выготский и Леонтьев исходят из первого понимания психологии и ограничивают ее исследованием природы психического как такового; Рубинштейн и Роменец исходят из второго понимания и открывают перед этой наукой возможность исследования человека со свойственным ему психическим в его взаимоотношениях с миром. Завершая свой творческий путь Роменец провозглашает идею канонической психологии: поступок возвышается к рангу канона, свидетельствуя о своей трансцендентности, о человеке говорит, что он экстатически возносится к универсальному — временем-пространством человеческого бытия, последнее предстает во всеобщем-универсальном творческом выражении.

Психология в лице конкретного мыслителя устремляется к бытию человека в его полноте. И это уже *постнеклассическая психология*, существенно отдаленная от предшествующих этапов становле-

² Решением проблемы человека считается комплексное изучение человека как многоуровневой системы; сущность человека видится в совокупности свойственных ему функций, объединить которые призван системный подход (Логинова, 2017). А. Г. Асмолов называет это «птолемеевской системой отсчета в познании человека» и противопоставляет ей «коперниканскую деятельностьную концепцию анализа человека — бытие человека в мире, включающее естественно-исторический процесс становления человечества в ходе преобразования природы, общества, человека, очеловечивание мира, поступки человека как автора и действующего лица своей жизненной драмы, восхождение в истории общества и истории каждого человека к свободной индивидуальности» (Асмолов, 2007, с. 67). Это предмет неклассической психологии, и решение проблемы человека психологом состоит в усмотрении сущности человека в том, как, каким образом он осуществляет свое бытие в мире. Определения таким образом понимаемой сущности человека различаются, каждое несет на себе печать индивидуальности автора. Общим является стремление преодолеть картезианскую психологию и выйти на простор целостного, монистического анализа феномена человека, приняв за точку отсчета способ его бытия.

ния данной науки. Как и в науке в целом, в психологии происходят научные революции: на смену классической приходит неклассическая и, далее, — постнеклассическая рациональность (В. С. Степин). Субъективное и объективное предстают противоположностями, сторонами единого мира, характеристиками способа бытия человека в мире. На смену классической, на изменяющемся эпистемологическом основании, приходит неклассическая и постнеклассическая психология.

А. Маслоу к эпистемологии не обращается, Л. Бинсвангер конкретизирует эпистемологические идеи М. Хайдеггера, А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейн — К. Маркса. В. А. Роменец излагает теории познания, но ни одной не отдает предпочтения. Связь его теории с эпистемологией прослеживается, когда он дополняет определение С. Л. Рубинштейна «человек — зеркало Вселенной»: мир видит себя «изнутри» через поступок, в этом состоит функция психического. Конкретизируется то, что в эпистемологии звучит мыслью Б. Спинозы о свойстве бытия через человека выражать свою потаенную сущность, Г. В. Лейбница о монаде как зеркале мира, словами Г. В. Ф. Гегеля: «Человек знает о Боге то, что Бог в человеке знает о себе». В. А. Роменец неоднократно цитирует созвучные слова Г. С. Сковороды: «Одними и теми же глазами, которыми человек смотрит на Бога, Бог смотрит на человека» и Ибн аль-Фарида: «Вселенная, любя, творит глаза и уши, чтобы познать себя». С. Л. Рубинштейн, в свою очередь, приводит высказывание К. Маркса об органах индивидуальности как «зеркале и эхе Вселенной». Человек видится неотъемлемой частью мира, познание мира — его, в лице человека, самопознанием. Идея высказывается, теряется, снова появляется, теперь уже на постнеклассическом, со свойственным ему человекоцентризмом, этапе истории эпистемологии. Согласно К. Попперу и И. Пригожину, че-

ловек присутствует в мире, предстоящем перед ним как объект познания. В. А. Роменец, продолжая С. Л. Рубинштейна, утверждает: познание — способ бытия человека в мире в форме поступка; познавая мир, человек познает себя; психическое — своеобразный способ самоотражения мира. Место человека в познании предстает местом человека в психологическом познании. Эпистемология становится психологией.

Культурно-гуманистическая психология В. А. Роменца — движение не от эпистемологии к психологии, как в экзистенциальной психологии Л. Бинсвангера и марксистской психологии А. Н. Леонтьева, а от психологии к эпистемологии, как в гуманистической психологии А. Маслоу. Но противоположным образом: А. Маслоу центрируется на субъективном и продолжает картезианскую психологию внутреннего мира. В. А. Роменец осмысливает историю познания человека, находит ее неотъемлемым аспектом познания человеком мира и выражает идеи эпистемологии, когда она выходит на уровень человекоцентризма. Психологию и эпистемологию связывает мышление авторов теорий этих дисциплин.

Заключение, или Человек как автор теории познания

Источником психологической мысли выступает заданная Р. Декартом оппозиция «субъект — объект», принципом — творческий диалог, вектором — движение мышления от дуализма к монизму. Р. Декарту возражает Б. Спиноза: субъект и объект охватываются понятием субстанции. И. Кант делает революционный шаг, заявляя, что объект конструируется мышлением субъекта. У Г. В. Ф. Гегеля — диалектическое мышление и историческая теория познания о всеобщем субъекте идеального бытия; в плане уже «объективного» понимания бытия ее про-

должает К. Маркс. А. Бергсон — следующая революция и представление о познании бытия в его живом движении, длительности; ее конкретизируют теории Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. М. Фуко оппонирует Р. Декарту, И. Канту, К. Марксу и таким образом их продолжает. Теория познания — следствие логики, установленной ее автором во время изучения идей предшественников и творческого диалога с ними. Образуется цепь определенным образом связанных идей, высвечивается путь от классической к неклассической и, уже в философии науки (К. Поппер, И. Пригожин), постнеклассической эпистемологии.

Т. Кун называет теорию гештальтом, который организует видение автором предмета объяснения, отсюда *эффект скованности* автором собственной теорией. Он считает ее единственно правильной, от нее не отступает, а когда отступает, то это уже другая теория. В этом же ряду *эффект абсолютизации*: автор попадает в плен им созданного, не видит, что степень совершенства его теории относительна и что вскоре она сойдет со сцены познания. Теория является историко-логико-психологическим продуктом. В следующей теории идеи предшествующей как бы исчезают, на самом деле освещают расстояние, которое проходит автор, обозначая его уровнем дарований, знаниями, темами сознания и бессознательного и, что главное, — мышлением. Биография мыслителя — не только история его идей, но и история процесса, рождающего и разворачивающего эти идеи. На каждой теории лежит печать мышления автора, при этом сама теория становится теорией познающего мышления. В теории познания это происходит, когда выясняется, что за отношением «субъект — объект» кроется отношение «мышление — бытие».

Автор теории познания находит объект предстоящим субъекту в наглядно данной ему системе координат, утвержда-

ет, что объект неотделим от процесса познания, настаивает, что субъект и объект являются элементами некоего большого целого. Каждый раз это принципиально разные теории, другое направление в эпистемологии — субъектоцентризм, процессуализм, субстанциализм, и другое представление о месте человека в познании. Дуалистически мыслит Р. Декарт, когда противопоставляет неделимую и протяженную субстанции, монистически — Б. Спиноза: противопоставляются свойства природы мышлением как свойством природы, человек — ее неотъемлемая часть, природа через него познает себя. Проговаривается идея тождества мышления и бытия. У Г. В. Ф. Гегеля ее новая, диалектическая форма: всеобщая природа мышления отчуждает свое бытие в форме материи, материя — инобытие мышления, познание — постижение мышлением всеобщей сути того, выражением чего само является. Э. В. Ильенков находит эту идею у К. Маркса: мышление тождественно вещи потому, что формируется в деятельности, где вещь превращается в понятие, а понятие — в вещь. Идею тождества мышления и бытия рождает мышление конкретного философа, что становится свидетельством непосредственного присутствия в бытии того, кто о нем мыслит. А. Бергсон и Э. Гуссерль апеллируют к интуиции, но именно мышлением доказывают: бытие познается через присутствие в нем обладающего сознанием человека, он погружается в то, с чем имманентно связан. Идея тождества мышления и бытия рождается мышлением философа, через него заявляющим о своей имманентной связи с тем, о чем он говорит другим людям. М. Хайдеггер, мысля уже по-другому, создает систему философии, выражая собственное представление о бытии. Познание в любой его форме осуществляется способом мышления конкретного человека и потому является «моим» познанием (М. К. Мамар-

дашвили). М. Хайдеггер как-то сетовал, что с трудом узнает свои мысли в изложении коллег. Потому, что мыслит о том и там, где пребывает сам; бытие его словами рассказывает о себе, предстает в уникальном, неповторимом выражении. Идея тождества мышления и бытия характеризует место человека в познании, при этом затеняет то, что это также место автора данной идеи, что он присутствует в познании способом бытия, каковым является его мышление.

Авторы теорий, квалифицируемых как субъектоцентризм и процессуализм, идею тождественности мышления и бытия не проводят: за точку отсчета берется человек, бытие видится в его отстраненности от человека. За точку отсчета бытие берется в теориях, квалифицируемых как субстанциализм, при этом теряется видение человека как субъекта познания. М. Фуко доводит эту линию мысли до логического завершения — исключает понятие «субъект» из теории познания, отрицая таким образом собственное присутствие в познании. Ситуацию радикально, в лице К. Поппера и И. Пригожина, меняет философия науки, и это уже субстанциализм с видением человека в центре познавательного процесса. Как и прежде, исследователи выносят себя за рамки познания, не принимая во внимание, что своим мышлением его осуществляют. Тогда как в познании соотносятся универсальное и уникальное?

В. А. Роменец отвечает на этот вопрос словами: «Уникальное — инструмент постижения универсального», а его собственное творчество становится тому прямым свидетельством. Ситуация, мотивация, действие, последствие, о которых он говорит как о компонентах поступка, — компоненты его, развернутого во времени и объективированного во многих книгах, мышления. Ситуация поступка предстает своими значениями; мотивация — побуждением к установлению

новых отношений с миром; действенное отношение состоит в череде преобразований мира, вступает в силу последствие и это уже реакция на сделанное и содеянное. Каждая историческая эпоха видит поступок по-своему, он же удерживает в себе канон и к нему устремляется. Мышление о поступке вначале накладывает на ситуацию психологического познания новые значения, рождает идеи, побуждающие продолжить этот процесс, последовательными актами разворачивает теорию поступка, последствием становится идея канонической психологии. «Поступковая спираль» в психологическом познании, о которой говорит В. А. Роменец, — это и спираль его мышления, где каждый виток возвышается над предыдущим, приближаясь к своему канону. Поступок как объект исследования конструируется мышлением, осуществляемым как поступок³. Идея мыслителя о психическом как своеобразном в поступке, способе самоотражения мира согласовывается с идеей тождества мышления и бытия на основе положения о непосредственном присутствии психолога в исследуемом им всеобщем процессе.

Идеи классической, неклассической, постнеклассической эпистемологии обнаруживают себя в идеях классической,

³ Еще пребывая в поисках собственного пути в науке, В. А. Роменец (1972) описывает процесс, который впоследствии становится процессом его творчества. Человека он называет «органом творческого процесса», «субъективностью, которая стремится быть выраженной» и «исчезает в творческом продукте». Уникальное, в форме мышления ученого, непосредственно присутствующего в познании, экстатически восходит к универсальному, каковым является сущностный способ бытия человека, и через себя его выражает. Универсальное рассказывает о себе его словами, оставаясь универсальным, психологическое познание не знает границ. Как и любая другая теория, теория поступка является «уникальным взглядом на мир» (П. Фейерабенд), при этом складывается диалогически и продолжает историю и логику психологического познания, представленную мышлением ее автора.

неклассической, постнеклассической психологии. Определение эпистемологами места человека в познании находит отражение в теориях психологов; мышление в эпистемологии коррелирует с мышлением в психологии; эти дисциплины связаны необходимостью соотнесения субъективной и объективной реальностей. В эпистемологии преодолевается субъектоцентризм и утверждается человекоцентризм, человекоцентричной на новом этапе своей истории становится психология. Мышление автора теории психологии является эпистемологически нагруженным и становится свидетельством осуществляемого в его лице движения от дуализма ко все более содержательному монизму. Философская идея тождества мышления и бытия выступает иллюстрацией непосредственного присутствия человека в познании, в любой его форме. Место, которое автор теории, и эпистемологии, и психологии, реально занимает в познании, говорит о том, что понятия «субъект», «объект», «автор теории познания» образуют один ряд и что только анализ соотношения этих понятий позволяет составить представление о природе и сущности данного феномена.

Эпистемология остается теорией познания человеком мира, но уже то, что мышление в эпистемологии продолжается в психологии, а мышление в психологии конкретизирует идеи эпистемологии, открывает возможность продвижения к теории познания человека. Для этого необходим диалог между исследователями, который учитывал бы достижения этих дисциплин, центрировался на свойствах человека в познании и способе его бытия в мире и служил бы их взаимному обогащению. Теория познания человека необходима и психологии, и другим наукам антропологического круга для продолжения исторического процесса постижения феномена человека, а также, чтобы служить основанием обобще-

ний результатов исследований в области антропологии⁴.

Литература

Аллахвердян А. Г., Мошкова Г. Ю., Юревич А. В., Ярошевский М. Г. (1998) Психология науки. М.: Московский психолого-педагогический институт; Изд-во «Флинта».

Асмолов А. Г. (2007) Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл; Академия.

Балл Г. А. (2006) Психология в рационалистической перспективе. Избр. работы. К.: Основа.

Бинсвангер Л. (2001) Экзистенциально-аналитическая школа мысли // Экзистенциальная психология / под ред. Р. Мэя и др. М.: Апрель Пресс; ЭКСМО-Пресс. С. 308–332.

Гусельцева М. С. (2016) Творчество В. А. Роменца в эволюции психологического знания // Академік В. А. Роменець: творчість і праці / упоряд. П. А. М'ясоїд; відп. ред. Л. О. Шатирко. К.: Либідь. С. 146–170.

Лекторский В. А. (2001) Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС.

Леонтьев А. Н. (1983) Деятельность. Сознание. Личность // А. Н. Леонтьев. Избр. психол. произв.: в 2 т. Т. 2. М.: Педагогика. С. 94–231.

Леонтьев Д. А. (2008) Неклассический подход в науках о человеке и трансформация психологического знания // Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: сб. науч. работ к 70-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Леонтьева / под ред. Т. В. Ахутиной, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл. С. 205–225.

⁴ В «Теории познания» (см. сноску 1) антропологией считается комплексное познание человека, не связанное ни с психологией, ни с «философской проблемой человека». При этом высказывается предположение, что «решение проблем человековедения лежит на пути внимательного изучения и анализа позиций исследователя» (1995, т. 4, с. 24). А это область и эпистемологии, и психологии. Психология, перед которой встает проблема человека, — наука философского содержания. Вынесение психологии и философии за рамки антропологии является безосновательным.

- Логинова Н. А.* (2017) Проблема человека в современной российской психологии // Институт психологии Российской академии наук. Человек и мир. № 1. С. 81–110.
- Мазилев В. А.* (2006) О предмете психологии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 55–72.
- Маслоу А.* (1997) Психология бытия. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер.
- Мясоед П. А.* (2009) С. Л. Рубинштейн: идея живого человека в психологии // Вопросы психологии. № 4. С. 108–118.
- Мясоед П. А.* (2010) История, логика и психология «параллелограмма Леонтьева» // Вопросы психологии. № 6. С. 113–124.
- Мясоед П. А.* (2013) Творческое наследие В. А. Роменца в историко-психологическом знании // Психологический журнал. № 3. С. 51–59.
- Мясоед П. А.* (2015а) Категория практики и методологии психологии // Вопросы психологии. № 3. С. 106–115.
- Мясоед П. А.* (2015б) Плюрализм и монизм в методологии психологии // Методология современной психологии. Вып. 5 / под ред. В. В. Козлова и др. М.; Ярославль: ЯрГУ; ЛККИСИ; МАПН. С. 146–159.
- Пиаже Ж.* (1994) Генетическая эпистемология // Вопросы философии. № 5. С. 54–63.
- Ройс Дж. Р.* (2006) Эпистемология психологическая // Р. Корсини, А. Ауэрбах. Психологическая энциклопедия. СПб.: Питер. С. 1788.
- Роменець В. А.* (1972) Аналіз творчого процесу // Філософська думка. № 1. С. 52–62.
- Роменець В. А., Маноха І. П.* (1998) Історія психології ХХ століття. К.: Либідь.
- Рубинштейн С. Л.* (1973) Теоретические вопросы психологии и проблема личности // С. Л. Рубинштейн. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика. С. 241–252.
- Рубинштейн С. Л.* (2003) Человек и мир // С. Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб: Питер. С. 281–426.
- Соколова Е. Е.* (2001) «Неклассическая» психология А. Н. Леонтьева и его школы // Психологический журнал. № 6. С. 14–24.
- Степин В. С.* (2004) Важно, чтобы работа не прекращалась: беседы // Вопросы философии. № 9. С. 16–71.
- Теория познания: в 4 т. (1991–1995) / под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. М.: Мысль.
- Улановский А. М.* (2007) Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии // Методология и история психологии. Вып. 1. С. 130–150.
- Юревич А. В.* (2005) Психология и методология. М.: Институт психологии РАН.
- Bishop M. A., Trout J. D.* (2005) Epistemology and the psychology of human judgment. Oxford: Oxford University Press, Inc.
- Corlett J. A.* (1991) Some connections between epistemology and cognitive psychology // New ideas in psychology. V. 9. Is. 3. P. 285–306.
- Fenici M.* (2009) Psychology and psychologies: wich epistemology? // Humana. Mente. Is. 11. / M. Fenici (Ed.). P. V–XV.
- Goldman A. I.* (1990) The relation between epistemology and psychology // Philosophy, mind and cognitive inquiry / D. J. Cole at al. (Eds.). Kluwer academic publisher. P. 305–344.
- Maslow A.* (1966) The psychology of science: a reconnaissance. N.Y.: Harper & Row.